

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

РОЛЬ ЕВРЕЙСКОГО ФАКТОРА В РАЗРУШЕНИИ СТАРОЙ И СОЗДАНИИ НОВОЙ ЕВРОПЫ

Часть 2*

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)

Трудно сказать, что в наибольшей степени придало импульс экономике Северной Америки – фактор переселения либо религиозные (прежде всего сектантские) верования. Современный капитализм сложился в США не только благодаря кальвинистам, гугенотам, лютеранам, сектантам и католикам из Северной Италии, но и не в последнюю очередь – евреям. Дело в том, что реформация, контрреформация и религиозные войны настолько разворовали «европейский муравейник», что маленькие предпринимчивые еврейские общины оказались разбросанными по всем направлениям. Иногда, чтобы избежать преследований, они переселялись по два или три раза, прежде чем осесть окончательно. И почти всегда это приводило к процветанию их очередного пристанища.

Такое было возможно при наличии двух условий, отмеченных С. Хантингтоном. *Первое*: если приоритет отдается способным, квалифицированным, энергичным людям с талантами и знаниями, в которых нуждается принимающая сторона. *Второе*: если новые мигранты и их дети ассимилировались в культуру конкретной страны и Запада вообще» [1, с. 496]. Как оказалось, еврейская иммиграция в США стала потенциальным источником новой энергии и человеческого капитала, чему способствовала грамотная и деликатная политика правительства в области скорейшей ассимиляции. Все было подчинено национальному девизу: «E pluribus unum» («Из многих – единое»), выбранному комитетом Континентального конгресса, состоявшим из Б. Франклина, Т. Джефферсона и Дж. Адамса – известных отцов-основателей американского государства.

Конечно, общим у переселенцев не могла выступить теология, поэтому американский буржуазный конституционализм нельзя считать исключительно продуктом «чисто христианских» религиозных принципов, будь то «протестантская этика» либо «кальвинистская стезя спасения» (в обоих случаях имеется в виду дух упорного труда и накопления). Даже авторитетные ученые по этой проблеме несколько ее упрощают, отбрасывая в своих исследованиях неудобные факты. Попытка М. Вебера [2] приписать дух капитализма исключительно кальвинистской этике – из этого разряда. Ближе к истине подошел В. Зомбарт [3], который показал, почему у еврейских торговцев и промышленников, не допускавшихся в гильдии, выработалась разрушительная антипатия к основам средневековой коммерции. Последняя носила примитивный и непрогрессивный характер: стремление к «справедливым» (и фиксированным) заработкам и ценам, к уравниловке, при которой доли на рынках согласованы и не меняются, прибыли и средства к существованию – скромные, но гарантированные, а производство ограничено. Поэтому, будучи исключенными из этой системы, евреи «взорвали» ее, заменив современным капитализмом с его конкуренцией и удовлетворением потребителя как единственным законом.

Однако, как представляется, В. Зомбарт неоправданно игнорировал мистический элемент иудаизма. Он, как и его оппонент М. Вебер, отказывался признать, что там, где религиозные системы, включая иудаизм, были наиболее могущественными и авторитетными, коммерция не процветала. Еврейские бизнесмены, как и кальвинистские, добивались наибольших успехов тогда, когда покидали свою традиционную религиозную среду и устремлялись осваивать новые территории. Объединяла эти общины не теология, а упорное нежелание жить в условиях жесткой государственной регламентации религиозных и моральных идей в соответствии с установками церковной власти. Все они (иудеи и пуритане, в России – раскольники и сектанты) отказывались признавать церковную иерархию, отдавая предпочтение религиозному управлению при помощи конгрегации и индивидуального сознания.

Что касается заселения Северной Америки, во всех этих отношениях евреи были самыми характерными из различных категорий эмигрантов, ведь они отвергали клерикализм еще со времен разрушения Второго Храма («эпохи фарисеев», которая совпала с римским управлением завоеванной Иудеей, закончившись вторым разрушением Иерусалима и рассеянием по миру последних иудеев» [4, с. 684]).

* Часть 1 статьи опубликована в журнале «Вестник Полоцкого государственного университета». Серия Д. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 13. – С. 90–99.

Евреи восприняли конгрегационализм задолго до всех протестантских сект. Их общины выбирали себе раввинов, и эта специфическая форма руководства оказалась работоспособной благодаря отсутствию догматической теологии и выработанному духу интеллектуальной терпимости.

Говорить же о том, что они были большими специалистами по переселению, излишне. Всю свою историю, с тех пор как 4000 лет тому назад они были изгнаны из пределов шумерской цивилизации Халдеи – города Ур (Быт., 11; 31) [5], они только и делали, что перебирались с места на место. Будучи с самого своего появления «пришельцами и поселенцами», евреи на протяжении многих поколений и в бесконечно разнообразных ситуациях отработывали столь важные для иммигрантов способности как умение концентрировать свое состояние, чтобы его можно было переместить из опасного района в новое место жительства. В этой мобильности им помогали их профессии и ремесла, народная культура и иудейские законы, что было одной из причин, почему переселенцы-евреи, несмотря на все свои проблемы, всегда имели оборотный капитал. Поэтому те из республик, которые допускали евреев (Италия, Голландия, Фландрия, США), финансово процветали и расширяли торговлю.

После катастрофических событий в Испании (1492) и Португалии (1497) большинство евреев осело в городах Италии, и это исторически объяснимо. Например, при Тиберии в одном Риме проживало 50–60 тысяч евреев плюс сорок других еврейских поселений в Италии. Но если во времена Христа их было 8 миллионов, в X веке – 1,5 миллиона, а в 1638 году общее количество в Италии не превышало 25 000 – всего 0,2% населения [6, с. 196]. Эти «потери» лишь частично объясняются общеэкономическими и демографическими факторами. Дело в том, что достаточно свободные порядки итальянских городов-государств способствовали тому, чтобы евреи ассимилировались и смешивались с окружающим населением. Политика была разумной, так как евреи обладали рядом очень важных навыков и возможностей: способностью рассчитывать обменный курс денег, написать и доставить деловое письмо, предоставить кредит. Кроме того, евреи писали труды по математике, астрономии, экономике, врачеванию, были искусными ювелирами, стеклодувами, ткачами, кожевниками, красильщиками, переводчиками. Об их способностях в розничной и оптовой торговле и говорить не приходится.

О том, что первейшим источником богатства есть *carut* (разум), частная инициатива, изобретательность и инновации, хорошо написал М. Новак [7, с. 447]. Так, в дополнение к общим наклонностям, евреи внесли свой специфический вклад в два экономических нововведения и предприимчивости. В Средние века их торговые и финансовые способности были постепенно заимствованы окружающими христианскими общинами; когда же их социальная и экономическая полезность была уже не нужна, евреев часто просили удалиться или подвергали дискриминации. Случалось, что после этого они перебирались в менее развитые регионы (Польша, Украина, Литва), где на их навыки сохранялся спрос. Но возможен был и альтернативный вариант – разработка новых подходов, и здесь евреи также оказывались на высоте. Они шли на шаг впереди других, либо повышая эффективность существующих методов и тем самым снижая затраты, либо внедряя новые методы. Рационализации их научила религия, к тому же мужское население на 100% было грамотным – такого в Европе никогда не было. Капитализм во все времена развивался благодаря рациональному подходу, упорядочивая многообразие существующих методов и механизмов.

Именно евреи были в состоянии решить эту задачу, поскольку, будучи довольно консервативными в пределах своего ограниченного и изолированного мира, они не подвергались, в том числе и эмоционально, давлению проблем общества в целом, и могли, таким образом, без особой паники и сожаления наблюдать за утратой старых традиций, методов и институтов власти. Как показал ход истории, они могли играть и ведущую роль в процессе их разрушения, следуя при этом рациональной логике. Именно евреи заставили европейскую культуру примириться с деньгами и их властью, а «всеобщая зависимость от денежной системы ... трансформировала все властные взаимоотношения», – пишет Э. Тоффлер [8, с. 65]. Нарастание сложности социума вынудило использовать более сложный инструмент – деньги, а за ним следует крайне эффективное не силовое, но экономическое принуждение, считает И. Бощенко [9, с. 178]. После того как в деньги перестали вкладывать определенный моральный оттенок, а стали рассматривать лишь как средство, произошел переворот в мышлении европейского человека. Но с каким трудом он давался, ведь образ денег, их мистический ореол всегда ассоциировался, прежде всего, с евреями.

И эти ассоциации возникали не на пустом месте, поскольку, как говорилось ранее, иудаизм являет собой учение, благоприятное для хозяйственной деятельности. Это неудивительно, «так как для еврея авторитетами являются мудрецы *Ветхого* Завета, воззрения которых в девяноста девяти случаях из ста были благоприятными богатству и зажиточности, тогда как христианские моралисты-богословы все же должны были всегда предварительно раскланиваться с евангельским идеалом бедности. В еврейской же религии *вообще* никогда не существовало идеала бедности, который бы пользовался исключительным признанием» [3, с. 307]. Развитие рационализма в иудаизме напоминает черты пуританизма и, конечно же, является более строгим и всеобъемлющим, чем в католической религии.

Иными словами, оценка, даваемая еврейскими религиозными учениями богатству, без сомнения, на несколько оттенков благоприятнее, чем любые оценки христианских правоверных доктрин. Вследствие этого мы видим, что в течение раннекапиталистической эпохи евреи смело ломают рамки старых хозяйственных нравов и олицетворяют поэтому в глазах христиан тех, кто нацелен на безграничную и беспощадную наживу. Но ирония судьбы в том, что эти идеи сделались затем общим достоянием капиталистического духа в эпоху высшего развития капитализма, когда – особенно в протестантских странах – сила религиозного чувства, бесспорно, пошла на убыль и когда в то же время влияние еврейства было уже непреодолимым и доминирующим. Вот что значит верно и своевременно понять функцию величайшего изобретения человечества, коим являются деньги.

В свое время Св. Павел заявил, а бесчисленные миллионы и по сей день бездумно повторяют: «Любовь к деньгам есть корень всего зла». Это мнение истовых христиан, «а для генералов деньги – связующая ткань “войн”, революционеры видят в них оковы пролетариата» [10, с. 7]. Нет никакой логичной причины, почему именно к деньгам следует относиться с подобным осуждением. Более того, моральные различия между деньгами и прочими предметами чрезвычайно затрудняют этическое обоснование накопления капитала и экономического развития. Этому заблуждению предавались и поддавались на протяжении многих столетий, как бы мы сейчас сказали, властители человеческих душ, праведные христиане и атеисты, поэты и композиторы, гуманисты и просветители, промышленники и политики, философы и ученые.

Известны своими антисемитскими настроениями, где «денежный» вопрос занимал центральное место: Аквинский, Мирандолла, Рейхлин, Мюнстер, Меланхотон, Лютер, Бруно, Э. Роттердамский, Паскаль, Шекспир, Дидро, Вольтер, Дефо, Гольбах, Франклин, Вашингтон, Гете, Шопенгауэр, Кант, Фихте, Вагнер, Чайковский, Г. Форд и многие другие. Готовность прямо подойти к проблеме денег и рассматривать ее честно и рационально имеет глубокие корни в еврейской культуре, и ее стандарты оказались в пору Европе Нового времени. Совпадение пуританских и еврейских интересов имело огромное значение для развития европейской цивилизации, и даже можно предположить, когда все началось.

Поражение английских роялистов и казнь короля в 1649 году дают евреям уникальную возможность получить право въезда на острова, поскольку пуритане, правившие теперь страной, всегда были настроены просемитски. С тех пор как Эдуард I выслав евреев из Англии в 1290 году, официально считалось, что страна для них закрыта. Пуританские же фундаменталисты, постоянно ссылаясь на Библию, были уверены, что если Англия («край земли» по средневековым представлениям) примет евреев в их рассеянии, то это ускорит пришествие мессии. В 1655 году Кромвель назначил подкомитет, чтобы изучить вопрос о праве евреев на въезд в Англию. К удивлению всех было объявлено, что нет никакого закона, который запрещал бы это евреям, поскольку высылка их Эдуардом в 1290 году была административным актом короля, действие которого распространялось лишь на конкретных лиц. Однако ввиду того, что в Английской республике у евреев были как враги, так и друзья, в подкомитете ни о чем не договорились, и после четырех сессий Кромвель его распустил.

После восстановления монархии в 1660 году вопрос был решен прагматически, без широкого обсуждения, которое могло бы привести к антисемитским настроениям. Дело в том, пишет Пол Джонсон [6, с. 317], что в 1656 году в Лондоне слушалось дело некоего Антонио Родригеса Роблеса, который официально считался марраном, но в действительности был настоящим евреем: его обвиняли в том, что он – враждебный иностранец, испанский подданный (Англия и Испания находились в состоянии войны). В марте 1656 года около двух десятков семей марранов решили покончить с этой проблемой, открыто признавшись в своей приверженности иудаизму, объявив себя беженцами от испанской инквизиции и испросив у Совета разрешения на то, чтобы практиковать свою религию в частном порядке. 16 мая дело против Роблеса было прекращено, а 25 июня принято положительное решение по петиции марранос. Таким образом, вопрос об особом статусе (понятное дело, второстепенном) евреев был опущен, а поскольку никакого законодательного акта, который запрещал бы их въезд, не было, они стали въезжать и практиковать свою религию.

Таким образом, евреи в результате умолчания стали полноправными подданными с ограничениями не больше тех, которые вытекали бы из их собственного нежелания (подобно католикам и неконформистам) принадлежать к англиканской церкви или приносить христианскую присягу. Подобно другим неангликанцам, им был закрыт доступ во многие учреждения и парламент, но на их экономическую деятельность не было наложено никаких официальных ограничений. Немаловажно, что рядом юридических решений было установлено право евреев присягать и давать свидетельские показания в суде с учетом их религиозной специфики. В английских судах евреи с самого начала находили справедливость и защиту; как правило, английские судьи хорошо относились к этим трудолюбивым и законопослушным подданным, которые не нарушали спокойствия королевства. В 1732 году суды обеспечивают евреям юридическую защиту от обвинений по национальному признаку, ставивших под угрозу их жизнь.

Таким образом, почти случайно, Англия оказалась первым местом, где появилась возможность для возникновения современной еврейской общины. Вызывает интерес то, что определенная дискриминация имела место, но главным образом внутри еврейской общины. Например, преобладавшие сефарды сопротивлялись приему в общину бедных ашкенази («немецких евреев»), особенно если предстояло содержать последних. В 1678 году было принято постановление, что «немецкие евреи» не могут держать контору, голосовать на собраниях и зачитывать священные рукописи. В юридическом порядке оно было отменено, еще больше усилив доверие евреев к публичной власти. Однако приходилось обращаться в христианство, «так как до 1858 года евреи не могли быть членами Парламента» [11, с. 87]. Но то, что происходило с евреями в Америке в период колонизации, было еще более значимым.

Голландский колониальный город Амстердам в 1654 году принял первых беженцев-евреев из города Ресифи в Бразилии, но положение их было неопределенным; кальвинисты, хотя и менее враждебные, чем лютеране, больших симпатий к ним не испытывали. (Как пишет У. Бернштейн [12, с. 479], позднее было установлено, что те двадцать три бразильских еврея были не первыми, так как их встретили евреи-ашкенази). Остаться разрешили, но притеснения (особенно религиозные) имели место. Лишь когда в 1664 году город перешел к англичанам и стал Нью-Йорком, евреи стали пользоваться не только преимуществами английского подданства, но и дополнительными религиозными свободами, которые завоевали колонисты Нового Света. Ричард Николс, первый английский губернатор Нью-Йорка, подчеркивая право на свободу совести, в 1665 году объявил: «Никто не может быть подвергнут порицанию, штрафу или замечанию за особое суждение в вопросах религии со стороны тех, кто исповедует христианство» [6, с. 319].

Вопрос принадлежности к евреям не поднимался. Англичанам были нужны колонисты, особенно те, кто способен торговать и налаживать связи, к тому же в Америке основывались так называемые «либертарианские колонии», где не существовало никаких религиозных запретов (Делавер, Род-Айленд). Согласно английским Актам о мореплавании, торговля между колониями и метрополией была исключительной прерогативой английских подданных; когда же парламент принял Акт о натурализации для североамериканских колоний, евреям было разрешено принять подданство наравне с поселенцами-христианами. С XVIII века евреи в США пользовались теми же правами, что и другие жители-переселенцы. Так зародилось американское еврейство, с самого начала отличавшееся от любого другого. В то же время оно не утрачивало связи с теми местами, где жили их соотечественники. И это – немалая масса населения: «Около 1900 г. еврейские общины одной только Восточной Европы вместе с выходцами из них, эмигрировавшими за море, насчитывали около 7,5 млн человек» [13, с. 145].

В Европе, Африке, Азии религиозные барьеры в той или иной форме были распространены повсеместно, и евреям всегда приходилось договариваться об особом статусе, если только не навязывали его силой. Это вынуждало их образовывать специальные и обычно юридически ограниченные общины, где они и селились. В Речи Посполитой евреи имели право на самоуправление, которое осуществлялось Советом, избираемым наиболее обеспеченными членами общины. Там были своя юрисдикция и система наказаний. Так, в статье 7 Раздела XII Статута ВКЛ 1588 года говорится о штрафах по преступлениям между евреями, в статье 8 – об ограничениях по ношению ими украшений, а в статье 9 этого же Раздела – о невозможности «жидов, татар и других басурман занимать должности и держать христиан в неволе» [14, с. 184]. Однако правильно следует понимать – евреями считать иудеев, в то время как «если бы еврей или еврейка приняли христианскую веру, тогда каждый из них и их потомки шляхтичами могут быть признаны» (ст. 7 Раздела XII Статута) [14, с. 184]. Значение имела вера, а не этническое происхождение.

При Сигизмунде II Августе права еврейских общин в их самоуправлении расширились. В кагалах «раввины и старосты могли судить непослушных или совершивших преступления по законам Моисея и Талмуда и приговаривать виновных к очень строгим наказаниям, кроме разве что смертной казни» [15, с. 375]. Выйти за пределы кагала нельзя, на его стороне – религиозная власть. Если еврей проиграет еврейский суд и обратится в литовский – его предавали анафеме и изгоняли из общины. Иными словами, кагальная система консервировала общественную психологию, не давала возможности еврею стать гражданином, горожанином.

В Речи Посполитой сложилось фактически еврейское государство – без территории, границ и армии, но со своими законами, культурой и организацией. В масштабах страны был создан постоянно действующий еврейский сейм (ВХАД) – своего рода еврейское правительство. Такой глобальной организации не было ни в какой другой стране. Поэтому так болезненно в XIX веке происходила ассимиляция евреев в Российской империи. После разделов Речи Посполитой на территориях, оказавшихся в составе России, сразу же были введены значительные ограничения для евреев [16, с. 195]. Указом Екатерины II 1791 года им было запрещено записываться в купеческое сословие, предписано проживать только в границах белорусских земель и Таврической области. В 1794 году была введена «черта еврейской оседлости», а в 1795 году евреям-купцам и мещанам запрещалось перемещаться из губернии в губернию. Лишь в 1835 году начались некоторые законодательные послабления. Сохранение общинности, религии и языка ассимиляции никак не способствовало.

В Западной Европе евреям было намного проще адаптироваться к меняющейся жизни. Там, где развивается экономика и население стремительно урбанизируется, на расовые, религиозные, языковые, традиционные вопросы смотрят намного лояльнее и прагматичнее. Развитие капитализма, отмечает М. Фридман [17, с. 133], сопровождалось значительным сокращением особых ограничений, которые испытывали в своей экономической деятельности различные религиозные, расовые и социальные группы (то есть, как принято говорить, подвергались дискриминации). Замена отношений, построенных на статусе, системой контрактов была первым шагом к освобождению крепостных в Средние века.

Евреи пережили Средневековье благодаря существованию рыночного сектора, в котором они могли действовать, несмотря на официальное преследование. Пуритане и квакеры смогли эмигрировать в Новый Свет, потому что сумели с помощью рынка накопить необходимые средства, несмотря на ограничения, которым они подвергались в других сферах жизни. И вообще, наименьшая дискриминация групп встречается в тех областях, где свобода конкуренции выше. Поэтому столь важен вопрос экономических возможностей.

В Северной Америке все было совсем по-другому еще до того, как США обрели независимость. При принципиальном отсутствии закона о религии не было никакого повода, чтобы у евреев действовала своя отдельная система, кроме разве что вопросов, касающихся собственно внутренней религиозной дисциплины. Поскольку все религиозные группы изначально имели равные права, не имело смысла выделяться в отдельную общину и все могли принимать участие в жизни единого общества. Поэтому, полагает П. Джонсон [6, с. 321], с самого начала евреи в Америке были организованы не по коммунальному, а по конгрегационному принципу, как и другие церкви. Американские евреи не принадлежали к «еврейской общине» как в Европе, они имели отношение к определенной синагоге. Она могла быть сефардской или ашкеназийской; если говорить о последних, то они могли быть немецкого, английского, голландского или польского происхождения, с небольшими ритуальными различиями. Похожим образом различались и протестантские группировки.

В итоге еврей ходил в «свою» синагогу, подобно тому, как протестант ходил в «свою» церковь. В других же отношениях и евреи, и протестанты были составной частью гражданской общности, в которую они были «впаяны» как светские элементы. Таким образом, евреи впервые, никоим образом не отказываясь от своей религии, включились в процесс интеграции. Именно поэтому американское еврейство радикальшим образом отличалось от любой иной части диаспоры и оказалось в итоге той силой, которая сделала возможным возникновение сионистского государства.

Такой толерантности поневоле напрашивается аналогия, связанная с событиями нашей истории – периода БССР 20-х годов XX века. В Декларации о восстановлении БССР 1920 года идиш наравне с белорусским, русским и польским языками обрел официальный статус (по переписи населения 1926 года в БССР проживало 8,2% евреев [18, с. 14]). По подсчетам Т.И. Довнар [16, с. 277], из 22 республиканских газет и журналов 4 выходило на идише. В этот же период образовано 23 еврейских местечковых совета. Удельный процент евреев в государственных учреждениях был непропорционально высок. Но уже с 1929 года «проявлениям белорусского национализма, еврейского и польского шовинизма» был положен конец. На тот момент нигде в мире у евреев не было столь значимого официального статуса.

Это было позже, но даже в самом начале новой истории восприятие евреев в регионе, где доминировали англосаксы, стало все сильнее влиять на роль, которую евреи играли в экономике, придавая ей характер постоянства и стабильности, которыми она никогда ранее не обладала. Во все времена евреи были отличными торговцами, финансистами и предпринимателями. Но еврейская экономическая мощь была крайне уязвима, ибо закон ее почти не защищал. И в христианском, и в мусульманском мире имущество евреев всегда находилось под угрозой изъятия. Можно сказать, что разгром нацистами еврейского бизнеса в 1933–1939 годах и конфискация еврейской собственности арабами в 1948–1950 годах явились последними и самыми ощутимыми атаками на евреев.

Именно из-за такой уязвимости вплоть до середины XVI столетия состояния евреев носили переходящий, в лучшем случае мигрирующий характер, а вклад евреев в рост мировой предпринимательской экономики был, соответственно, ограничен. Евреи всегда умели использовать и перемещать капитал, но лишь тогда, когда они закрепились в англосаксонском обществе, безопасность, гарантированная им законом, позволила накапливать капитал. Уверенность в своих правах привела евреев к расширению пределов их деятельности. Торговля, особенно мелкими и ценными товарами, которые легко спрятать и перевезти, перестала быть почти единственным видом экономической деятельности евреев, где бы они чувствовали себя в безопасности.

В силу этих и некоторых других причин ситуация кардинально стала меняться в Америке XVIII века, и вот как это объясняется [6, с. 322]. Еще в начале этого столетия евреи в основном концентрировались в секторе международной торговли, специализируясь на ювелирных изделиях, кораллах, текстиле, рабах, какао и имбире. В 1701 году в Нью-Йорке, составляя всего 1% населения, их было 12% среди тех,

кто занимается заморской торговлей. Но к 1776 году эта доля упала до 1%, поскольку евреи, чувствуя себя более уверенно (с точки зрения оседлости, безопасности и приемлемости для окружающих), стали утрачивать интерес к морю, через которое ранее традиционно пролегали маршруты их бегства, и обратили свой взор на внутренние районы страны, на развитие континента. Они сами становились поселенцами, торговали ружьями, ромом, вином, изделиями из железа и стекла, мехами и провиантом.

После коронации Вильгельма Оранского Англия стала самой надежной базой, опираясь на которую можно было действовать евреям. Именно они в конце XVII века основали финансовый рынок Сити, благодаря покровительству правительства избежали столь характерных конфискаций состояний и кабального юридического преследования. В то время как в континентальной Европе все это допускалось, лондонские евреи, уверенные в том, что их собственности ничто не угрожает, всячески способствовали государству, не допуская финансового кризиса.

Некий бессознательный коллективный инстинкт заставил евреев обезличить финансы и рационализировать всеобщий экономический процесс. Любая собственность, считавшаяся еврейской, всегда была в опасности, даже при оформлении международных сделок и страховании морских грузов использовались фиктивные христианские имена, а затем были разработаны безличные формулировки для документов. Придумав аккредитив, евреи изобрели затем и другой способ безналичного перемещения денег – чек на предъявителя. Для непривилегированной общины, чья собственность постоянно находилась под угрозой, и кого постоянно могли в кратчайший срок заставить переселиться появление надежного безличного платежного средства, которым стали бумажные деньги, будь то векселя, а еще лучше – полноценные банкноты, было чрезвычайно ценным.

В итоге в начале Нового времени евреи приложили огромные усилия для усовершенствования финансовых средств и их повсеместного использования. Они оказывали большую поддержку появлению и становлению институтов, способствующих укреплению статуса ценных бумаг: центральных банков, во главе которых был Английский банк с его правом выпуска банковских билетов, и фондовых бирж. Как образно выразился В. Зомбарт, биржа была создана еврейским духом: «Только соединение современной техники с современной биржей дают внешние формы, в которых могло осуществиться стремление к безграничности капиталистической наживы» [3, с. 416].

Евреи доминировали на Амстердамской бирже, где держали основные акции Вест-Индской и Ост-Индской компании, и были первыми, кто занялся в мировом масштабе ценными бумагами. В 1792 году еврейские брокеры создали Нью-Йоркскую биржу. Вслед за развитием кредита как такового, изобретение и популяризация ценных бумаг стали самым осязаемым вкладом евреев в процесс накопления. Евреи форсировали использование ценных бумаг как в тех областях, где чувствовали себя в безопасности, так и там, где находились под угрозой, поскольку считали весь мир единым рынком.

Чем больше расширялся рынок, тем шире становились возможности. Глобальная перспектива, которую предлагала им диаспора, не поддается описанию. Еще более важными были усилия евреев по созданию мирового рынка таких ключевых товаров современной коммерции, как пшеница, шерсть, лен, текстиль, спиртные напитки, сахар, табак. Внедряясь в новые отрасли, евреи сильно рисковали, поскольку имели дело с разнообразнейшими товарами. Еврейская финансовая и торговая деятельность в XVIII веке стала настолько широкой, что без этой движущей силы трудно представить себе создание современной капиталистической системы.

Ее функционирование немислимо без ссудного капитала, который «ведет свою славную родословную от ростовщичества, широко распространенного в условиях простого товарного производства и характеризовавшегося весьма большими размерами ссудного процента, доходившего до 42% в месяц, или более 570% в год. В условиях капиталистического общества ссудный капитал приобрел человеческое лицо тем, что максимальные проценты за денежные ссуды были снижены до уровня средней нормы прибыли» [19, с. 156]. Конечно, благодаря еврейскому ссудному капиталу деньги приобретают способность приносить высокую прибыль их владельцам и обеспечивать им высокий жизненный уровень. Но без него немислим процесс производства материальных благ. Да и в настоящее время, как убедительно доказал Н. Фергюсон [10], не финансы обслуживают производство, но именно они стимулируют экономические процессы. Еврейский фактор оказал свое влияние по пяти главным направлениям, считает Пол Джонсон [6, с. 326]. *Во-первых*, они знали толк в нововведениях (фондовые биржи, ценные бумаги, кредиты, банковские операции). Многие были удачно заимствованы от итальянцев и тамплиеров. *Во-вторых*, евреи всегда отстаивали значение активной торговли, они придумали рекламу и механизмы продвижения товаров на рынок. *В-третьих*, они стремились к максимально широкому рынку, так как понимали значение крупномасштабной экономики. Евреи охотно инвестировали в солидные предприятия, рисковали и, как правило, оставались в выигрыше. Стремление к большому обороту при готовности к невысокой норме прибыли привело, *в-четвертых*, к снижению цен. Они всегда способствовали

продвижению на широкий рынок дешевых товаров. Способность евреев «сбивать» цены была причиной ярости и обвинений в том, что они либо жульничают, либо торгуют ворованными или конфискованными товарами. Евреи были готовы к распродаже остатков, они думали о возможности применения отходов. Закупая дешевое сырье, приобретая заменители, евреи продавали беднякам – основной массе населения – товары пониженного качества.

Претворяя в жизнь масштабную экономику, возникла идея открыть универсальные магазины, где под одной крышей продавалось великое разнообразие товаров. Это нарушило традиционную европейскую специализированную торговлю. Наконец, евреи всецело следовали принципу, что главным арбитром в торговле является потребитель и для процветания необходимо следовать его интересам, а не интересам гильдии. «Покупатель всегда прав» – отсюда известная формула. Окончательный приговор выносит рынок, и эти аксиомы не обязательно были изобретены евреями или соблюдались исключительно ими, но евреи претворяли их в жизнь быстрее, чем остальные.

В-пятых, евреи очень серьезно относились к сбору и использованию данных. По мере того как рынок становился доминирующим фактором во всякого рода торговле и расширялся, превращаясь в ряд глобальных систем, информация приобретала первостепенное значение. Информированность стала важнейшим фактором, определяющим успех евреев в торговле и финансах. К началу промышленной революции они управляли семейными торговыми сетями, раскинутыми по все расширяющейся территории. Они приводили в действие чувствительную и оперативную систему, позволяющую быстро откликаться на политические и военные события, изменяющиеся требования регионального, национального и мирового рынков. Евреи доказали, что в действительности цена зависит от места и времени: чем больше рынок, чем длиннее расстояния, тем больше разброс. Залог коммерческого успеха – «Доставить нужные товары в нужное место и в нужное время» – придал этому принципу определяющее значение. Тем самым повысилась важность принимаемых в бизнесе стратегических решений. Они основывались на качестве информации, которой располагали в момент их приема.

Таким образом, благодаря совместному действию всех перечисленных выше факторов евреи внесли в создание современного капитализма вклад, совершенно не пропорциональный их численности. Он бы, конечно, сложился и без них (евреи играли весьма умеренную роль на ранних стадиях промышленной революции в Англии), но в целом они привнесли в экономическую систему Нового времени мощный дух рационализации, веру в то, что имеющиеся способы вести дело никогда не бывают идеальными и могут быть заменены на лучшие, более легкие, дешевые и быстрые. Вопреки всем предубеждениям истовых христиан можно сказать, что в еврейской коммерции не было ничего мистического и бесчестного – всего лишь здравый смысл и высокая степень адаптивности к меняющимся реалиям. Можно сказать, что евреи, живущие в толерантной среде, придерживались номинального иудаизма и стремились полностью идентифицироваться со всеми по правилам открытой ассимиляции.

Неслучайно страна, которая ближе всего подходила бы перечисленным еврейским идеалам, – это Соединенные Штаты, где идеи Просвещения опирались на прочный фундамент английского парламентаризма, плюрализма, религиозной терпимости. Томас Джефферсон, знаковая фигура американской истории, в своих *«Заметках о штате Вирджиния»* (1782) [20] доказывал, что существование набора из нескольких разумных и этичных религий – лучшая гарантия материального и духовного прогресса, а также свободы человека. Закономерно, что большинство американских евреев поддерживало движение за независимость. Примечательный эпизод: «На публичном обеде, который давался в Филадельфии в 1789 году в ознаменование Конституции, был специальный стол, еда на котором соответствовала еврейским [кошерным] законам» [6, с. 347].

Им действительно было что праздновать. С учетом их во многом трагической истории, они получили от американской Конституции больше другой группы: разделение церкви и государства, всеобщую свободу совести (1-я поправка к Конституции) и не в последнюю очередь – конец всех религиозных проверок при назначении на службу. В США еврей чувствовал себя свободным; более того, он чувствовал и понимал, что его ценят. Не все «отцы» американской революции разделяли эти чувства. Бенджамин Франклин, будучи крупным масоном, не скрывал своего антисемитизма, о чем откровенно пишет в *«Автобиографии»* [21, с. 106]. Но личные восприятия он не переносил на государственные дела. А через полвека еврей Авраам Линкольн станет президентом США и одной из культовых фигур американской истории.

Очутившись в открытом обществе с защитой против антисемитизма и беспрецедентными возможностями, евреи стремительно ассимилируются, чему способствуют смешанные браки и свободный доступ к любым видам деятельности. В огромном «плавильном тигле» национальные и религиозные предрассудки выглядят архаикой, в цене – личные и профессиональные качества. Как с сожалением заметил в 1995 г. главный ашкеназийский раввин Израиля 58-летний Исраэль Меир Лау, «если говорить об Америке в демографическом смысле, ее еврейское население должно было бы составлять сегодня не менее 30 миллио-

нов. Пять лет назад здесь официально числилось 5,5 миллиона, а ныне лишь три миллиона человек признают себя евреями, несмотря на иммиграцию в Штаты евреев со всего света, включая Израиль» [22, с. 324].

Неспроста поэтому сотни лет Америку называют «Золотой Мединой» евреев – идеальным и безопасным убежищем для них, страной безграничных возможностей. Стойкая приверженность евреев к труду, инвестициям и творчеству, вера в способность изменить свою судьбу к лучшему, пунктуальность и прагматизм – таковы слагаемые успеха. В Европе все складывалось иначе. Вместо старинного «законного» бесправия они получили современный антисемитизм. Но много раньше евреи, как было показано, оказались вовлеченными в процесс распада средневековой Европы. Подводя некоторые итоги, отметим главное.

Много столетий существовавший союз светской и духовной власти распадается, католическая церковь без политической поддержки теряет влияние и сдает позиции протестантам Северной Европы, где бурно развивается экономика во многом благодаря коммерческим талантам, связям и финансам еврейских общин. Конечно, было множество и других причин. Католическая церковь, давно превратившаяся в могущественный институт, становилась весьма заманчивой мишенью для захвата. Под влиянием идей Возрождения человечество стало взрослее и просвещеннее, церковные догмы не давали ответов на поставленные злободневные вопросы. Европейские монархи желали отделаться от понтифика, который мешал во многих делах. Все громче раздавались призывы сократить расходы за счет церковной десятины и поживиться имуществом монастырей, церковными землями и прочими богатствами. Скандалы Ватикана с приходом к власти семейства Борджиа только усугубили ситуацию. Наступление Реформации было абсолютно закономерным.

Получается, что, ломая сопротивление, в мир входили две силы – капитализм протестантский и капитализм еврейский. В чем отличие? Протестанты сразу же обозначили себя как мощная политическая и религиозная сила, доминирующий духовно-культурный этос. Они были крайне заинтересованы в пересмотре правопорядка и установлении новых юридических правил. О евреях этого не скажешь. Они и не собирались ассимилироваться, их не прельщало вхождение в формальные политические структуры и решение юридических вопросов.

Важное соображение высказал Норманн Подгорец, многолетний редактор американского еврейского консервативного журнала «Комментари» (в изложении М. Вартбурга): «Евреи в чужих культурах всегда “стояли на плечах” коренных народов, освободив благодаря этому свой интеллект от экономических, военных, политических и прочих “обычных” забот, которыми занята любая нормальная нация и которые отвлекают столь значительную часть ее собственного коллективного гения» [23, с. 220]. Да, несомненно – так. «В конце-то концов, евреи и выжили не в своей стране, а в диаспоре, в рассеянии» [24, с. 15], что предполагало их умение адаптироваться и приспособливаться.

Попутно развенчаем миф о перманентной революционности евреев. В Английской и Американской революциях их не было вообще, а во Французской был единственный еврей (Юниус Фрей, он же Моисей Добрушка), игравший активную, но второстепенную роль. Если, конечно, не считать якобинца Исаака Рене Ги Ле Шапелье (1754–1794), именем которого назвали закон о запрете стачек и рабочих коалиций, принятый Учредительным собранием в июне 1791 года. Однако все это были единичные случаи.

Иного мнения придерживается историк Пол Джонсон. Он полагает, что именно в это время «из тени начинает выходить новый тип, который всегда существовал в эмбриональной форме – еврей-революционер. Итальянские клерикалы клялись в своей ненависти к “галлам, якобинцам и евреям”. В 1793–1794 годах евреи-якобинцы установили революционный режим в Сент-Эсири, еврейском пригороде Байона. И снова, как во времена Реформации, традиционалисты разглядели связь между Торой и подрывной деятельностью. Подрывные элементы – евреи – возникали в различных обликах, часто как грубая карикатура, иногда в виде фарса» [6, с. 351]. Можно вспомнить о том, что 27 сентября 1791 года, преодолев сильнейшее сопротивление, Национальное собрание Франции принимает Декрет о полной эмансипации евреев. Более того, преодоление дискриминации происходило везде, куда французы смогли принести революционный дух на своих штыках. Так, в 1796–1798 годах Наполеон Бонапарт ликвидировал итальянские гетто, в 1807 году заменил старую общинную структуру общеврейской организацией, где евреи назывались «французскими гражданами моисеевой веры». В 1812 году Пруссия признает евреев полноправными гражданами, ликвидировав всяческую дискриминацию и специальные налоги.

Так поступали во многих европейских странах, но в итоге, когда пали стены гетто и евреи вышли на свободу, они обнаружили, что вступают на территорию нового, менее заметного, но не менее враждебного гетто из подозрений (теория всемирного заговора, «Протоколы сионских мудрецов» и пр.). Вместо старинного бесправия, повторим еще раз, они получили современный антисемитизм. Обо всем этом – в захватывающем романе Умберто Эко «Пражское кладбище» [25], где читателям предлагается поразмышлять над многими животрепещущими вопросами. Политическая, общественная, культурная, юридическая активность евреев начинается лишь в XIX веке, именно здесь раскрывается их революционный потенциал, достигший апогея в эпоху русских революций начала XX века, но в рассматриваемый

период (XVI–XVIII вв.) их влияние ограничивалось экономической и финансовой жизнью, где значимо проявился и протестантский фактор.

Проводя исторические параллели между протестантизмом и еврейством в их влиянии на экономическую жизнь Европы, нельзя упустить из виду мировоззренческую, духовно-культурную составляющую. Следует понимать, что непосредственное по своей сущности восприятие жизни иудеями в целом резко отличалось от своеобразной этики пуритан. Об этом хорошо сказал М. Вебер: «...чужда пуританизму [...] хозяйственная этика евреев средневекового и нового времени, причем различие это распространялось, в частности, на те черты, которые имели решающее значение при определении роли обоих религиозных учений в развитии капиталистического этоса. Еврейство находилось в сфере политически или спекулятивно ориентированного «авантюристического» капитализма: его этос был, если попытаться характеризовать его, этосом капиталистических париев: пуританизм же был носителем этоса рационального буржуазного предпринимательства и рациональной организации труда» [2, с. 192]. И еще: «Для английских пуритан современные им евреи были представителями того ориентированного на войну, государственные поставки, государственные монополии, грюндерство, финансовые и строительные проекты капитализма, который вызывал у них ужас и отвращение» [2, с. 260]. Моральный аспект о необходимости различия между «благочестивым» и «неблагочестивым» нам представляется чрезвычайно интересным.

Интенсивная склонность к наживе в раннем пуританизме осуждалась как никогда строго. В Нидерландах Южноголландский синод 1574 года [2, с. 249] ответил на поставленный ему вопрос следующим образом: «Ломбардцев не следует допускать к причастию, несмотря на то, что их деятельность разрешена законом». Провинциальный синод Девентера от 1598 года распространил это на всех служащих у «ломбардцев»; синод в Гори-хеме 1606 года установил строгие и унижительные условия, при которых жены «ростовщиков» могут быть допущены к причастию. Подобным же образом относились к этому гугенотские синоды. Излишне говорить, что «ростовщический» капитал Ломбардии и Пьемонта был преимущественно еврейского происхождения. Таким образом, этическую основу противоречия между пуританами и евреями составляет противопоставление мирской аскезы с упором на труд одних, алчность и «мамонизм» других.

Истоки непреодолимых противоречий можно обнаружить в учении самой знаковой фигуры протестантизма – Мартина Лютера (1483–1546). Именно он сформулировал те религиозно-политические лозунги, которые вначале вдохновили и сплотили в Германии практически всех поборников Реформации. Однако уделим внимание лишь интересующей нас проблеме. Глубинное изменение его личности и трансформация характера особенно очевидны на примере отношения к евреям. Будучи молодым человеком, Лютер постоянно заявлял о своей дружбе с евреями как с народом Христовым, а затем стал их жесточайшим врагом, выражавшим свою ненависть в самых ярких и свирепых нападках как в устных, так и в письменных проповедях. [...] Особенно это касается книги «Против иудеев и их лжеучения» [26, с. 109].

Мы же обратимся к трактату «О торговле и ростовщичестве» (1524), где говорится: «Приложи радение к тому, чтобы не искать в [...] торговле ничего большего, чем только пропитание, и чтобы, сообразуясь с затратами, хлопотами, трудом и риском, ты сам мог устанавливать, повышать и понижать цены именно настолько, насколько это необходимо, чтобы ты получил воздаяние за свой труд и хлопоты» [2, с. 133]. Реформатор не выбирал слов, называя дающих под процент оборотнями, «маскирующимися под личной сограждан, чтобы наносить вред, и не снисвший никаким открытым супостатам». Размышляя об экономической жизни с примитивных позиций традиционалистски-мирской нравственности, Лютер неизбежно был вынужден столкнуться с таинственным миром денег иудаизма.

Агрессивные устремления М. Лютера постоянно требовали внешнего врага. Вначале это была католическая церковь, затем – евреи. Внутренний конфликт оказался для Лютера непреодолим. Самым важным его заявлением о капитализме было утверждение, что деньги являются словом дьявола, посредством которого тот совершает свое творение подобно тому, как Бог творил с помощью истинного слова. Кроме того, по его утверждению, истинные христиане, признавая свою греховность, влчат бремя зарабатывания денег. Ничего подобного не было в английской пуританской доктрине. Осуждение денег как царства дьявола, с одной стороны, и организованное стремление к богатству и выгоде, с другой, стали противоречивым наследием лютеранской философии.

«Благодаря» М. Лютеру в германской культуре образ еврея приобрел бесконечное число отталкивающих форм. К золотому тельцу, сове, скорпиону добавился самый оскорбительный – свиньи, а с «появлением печатного станка он быстро распространился и стал вездесущ в Германии» [6, с. 266]. Его бесконечное повторение способствовало процессу дегуманизации евреев, что впоследствии приобрело огромное и трагическое значение. Антисемитизм как католического, так и лютеранского толка на протяжении многих столетий вносил свою лепту в формирование ненависти к евреям, кульминацией которой явился гитлеризм.

Антисемитские книги Лютера были напечатаны в Третьем Рейхе огромными тиражами, и нацисты использовали их как готовую программу и обоснование для решения «еврейского вопроса». Надо признать, что А. Гитлер побаивался и уважал евреев как «отрицательных сверхлюдей» [27, с. 393]. Антисемитизм

Гитлера (несмотря на его еврейские корни) находил отражение как в спонтанно-эмоциональном, неконтролируемом насилии погрома, так и в холодном, систематическом «легальном» и регулируемом государством насилии. Евреи, в отличие от христиан, не верили, что дьявол может принимать человеческий облик. Мотивы ненависти к евреям лучше всего понять из «*Майн Кампф*», но ужаснее всего то, что Холокост планировался, он был бездушно осмысленным проектом. «Избранная раса» и «избранный народ» – для одного человечества слишком много, дремучие предрассудки оказались губительными для тех и других.

Противоречие протестантизма и еврейства – лишь один из многочисленных эпизодов мировой истории, но желание в корне изменить ситуацию привело их к осознанию необходимости противостояния общему врагу и неблагоприятным обстоятельствам. Так закончилось Средневековье с его укладом, казавшимся незыблемым для феодально-клерикальных элит. Высвободившаяся энергия протестантизма и еврейства стремительно заполняет образовавшийся вакуум, формируя для Европы новый тип общественного устройства, психологии и морали.

Успехи протестантов и евреев имеют общие корни, что убедительно доказывают Л. Харрисон и С. Силбигер [11, с. 100]. Близкие параллели обнаруживаются в умении: 1) ставить долгосрочные цели; 2) упорно трудиться над задачами, требующими умственных операций; 3) принимать на себя разумный риск; 4) трудиться ради материального вознаграждения; 5) брать на себя ответственность за принятые решения и достижение результатов; 6) брать пример с других успешных людей; 7) верить в свою самостоятельность и самоопределение. Кстати сказать, такому «кодексу» удивительным образом соответствуют ценности конфуцианской культуры. Страны – Япония, Сингапур, Корея, Тайвань – и в наше время наряду с протестантскими и государством Израиль лидируют по любым рейтингам, индексам, факторам. Здесь определенно имеет место не случайное совпадение, а историческая закономерность.

Заключение. Уникальность еврейского влияния несомненна, вдумчивые люди ее видят. Поэтому выносить универсальные суждения наиболее затруднительно: «Редко какой народ являет собой такой богатый спектр типов, характеров и мнений, от светлейших умов человечества до темных дельцов. И какое бы правило вы не составили о евреях, какую бы суммарную характеристику вы не пытались бы им дать, – тотчас же вам справедливо представят самые яркие и убедительные исключения из того» [23, с. 16].

По приведенным историческим примерам, по общему живому ощущению надо признать: картина рассмотренной эпохи не будет полна без упоминания той роли, которую играл в ней еврейский народ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : АСТ, 2014. – 571 с.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма : пер. с нем. / М. Вебер // Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социол. мысль Запада).
3. Зомбарт, В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека : пер. с нем. / В. Зомбарт. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. – 576 с. – (Серия «Социо-Логос»).
4. Марченко, М.Н. Источники права : учеб. пособие / М.Н. Марченко. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 760 с.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и нового Завета. – Изд. Моск. Патриархии. – М., 1988. – 1376 с.
6. Джонсон, П. Популярная история евреев / П. Джонсон ; пер. с англ. И.Л. Зотов. – М. : Вече, 2001. – 672 с.
7. Новак, М. Дух демократического капитализма / М. Новак ; пер. с англ. В.Г. Маргутика. – Минск : Лучи Софии, 1997. – 544 с.
8. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : Изд-во АСТ, 2003. – 669 с.
9. Калашников, М. Будущее человечество / М. Калашников, И. Бощенко. – М. : АСТ : Астрель : Хранитель, 2007. – 319 с.
10. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Н. Фергюсон ; пер. с англ. А. Коляндра, И. Файбисовича. – М. : АСТ : CORPUS, 2013. – 431 с.
11. Харрисон, Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон ; пер. с англ. Ю. Кузнецова. – М. : Мысль, 2014. – 286 с.
12. Бернстайн, У.Дж. Великолепный обмен: история мировой торговли / У.Дж. Бернстайн ; пер. с англ. И. Летберга. – М. : АСТ, 2014. – 508 с.
13. Баччи, М. Демографическая история Европы / М. Баччи ; пер. с итал. А. Мирюловой. – СПб. : Александрия, 2010. – 304 с. – (Серия «Становление Европы»).

14. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 / пер. на бел. мову А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2002. – 207 с.
15. Буровский, А.М. «Еврейское засилье» – вымысел или реальность? Самая запретная тема! / А.М. Буровский. – М. : Яуза-пресс, 2010. – 352 с.
16. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
17. Фридман, М. Капитализм и свобода / М. Фридман. – М. : Новое изд-во, 2006. – 236 с.
18. Беларусізацыя. 1920-я гады : дакументы і матэрыялы / пад агул. рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. – Мінск : БДУ, 2001. – 270 с.
19. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права : в 3 т. / В.М. Сырых. – М. : РАП, 2007. – Т. 3 : Современное правопонимание. – 512 с.
20. Томас Джефферсон о демократии / сост. С. Падовер. – СПб. : Рес Гуманна, Лениздат, 1992. – 335 с.
21. Франклин, Б. Моя автобиография. Совет молодому торговцу / Б. Франклин. – М. : АСТ, 2016. – 320 с.
22. Климов, Г. Божий народ / Г. Климов ; под общ. ред. В.Л. Миронова. – Краснодар : Советская Кубань, Пересвет, 2007. – 576 с.
23. Солженицын, А.И. Двести лет вместе : в 2 ч. / А.И. Солженицын. – М. : Русский путь, 2002. – Ч. 2. – 552 с.
24. Джонсон, П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы : в 2 т. / П. Джонсон ; пер. с англ. В. Атанасов, Д. Матев. – М. : Аноубис, 1995. – Т. II. – 480 с.
25. Эко, У. Пражское кладбище / У. Эко ; пер. с итал. Е. Костюкович. – М. : Corpus, 2013. – 560 с.
26. Франкл, Дж. Цивилизация: утопия и трагедия / Дж. Франкл ; пер. с англ. А.Г. Вронской. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 254 с.
27. Джонсон, П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы : в 2 т. / П. Джонсон ; пер. с англ. В. Атанасов, Д. Матев. – М. : Аноубис, 1995. – Т. I. – 528 с.

Поступила 28.09.2017

**THE ROLE OF THE JEWISH FACTOR
IN THE DESTRUCTION OF THE OLD AND CREATING A NEW EUROPE**

Part 2*

A. PUGACHEV

---

*Part 1 of the article published in the journal "Herald of the Polotsk state University". Series D. Economic and legal Sciences. – 2017. – № 13. – P. 90–99.